

<ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ>

Всем известно, что в шестидесятых годах "Современник" имел для русского общества громадное воспитательное значение, но не многие знают, что "Современник" не просуществовал бы и двух лет, если бы его не охраняла от бесчисленного множества разных напастей умелая и ловкая рука Некрасова, можно сказать, неусыпно о нем заботившаяся. Какие он употреблял для этого меры и средства, пока далеко не всем известно. Но если бы перечислить даже то, что известно, то всякий честный человек, без всякой брезгливости и с наслаждением пользовавшийся плодами его трудов, с отвращением взглянул бы на эти меры и средства и сказал бы: "Нет, я к этому не способен, я не мог бы этого сделать, это переворачивало бы всю мою внутренность". Положим, так. Но почему мы, честные люди, знаем, что и у Некрасова не переворачивались внутренности от этих мер и средств. Голодный вор, который идет воровать хлеб, чтобы не умереть с голоду и прокормить себя и свою семью, наверное, не стал бы воровать, если бы у него было столько хлеба, чтобы питаться ему с семьей. Но если у него нет никаких средств добыть себе пищу, кроме воровства, и приходится без этого погибать с семьей голодом, он по необходимости пойдет воровать. <...> Какое же мы имеем право обвинять или осуждать Некрасова за те унижительные средства и меры, какие он употреблял для блага литературы, когда эти меры и средства практиковались большинством общества для своих личных целей.

Говорят, Некрасов заботился о "Современнике" вовсе не для литературы, а для самого себя, для своего обогащения, или эпикурейского наслаждения жизнью. Однако Некрасов умер, не оставив после себя ни гроша. Может быть, у жены малая толика и осталась, на которую она может жить, не прибегая к помощи Литературного фонда. И только. Это ли богатство? Что касается до его эпикурейского наслаждения жизнью, то оно известно всем нам, ближайшим сотрудникам "Современника". Он жил никак не лучше и не роскошнее каждого директора департамента средней руки. По самому точному расчету о доходе "Современника", сделанному одним из сотрудников "Современника", стоящим ныне во главе Государственного банка¹, доход, получаемый Некрасовым от "Современника" не превышал 20 тысяч рублей в год. Какое же на эти деньги возможно эпикурейство? Некрасов имел и должен был иметь в качестве редактора одного из выдающихся в то время журналов, приличную квартиру, держать лошадей, вообще жить прилично ради литературы, иначе разные большие и маленькие люди, власть над литературой имеющие, не стали бы пускать его к себе на порог для литературных объяснений и третировали бы, как какого-нибудь рассыльного; затем, для литературы же он тратился на бывавшие у него нередко обеды, ибо все мы знаем, что на этих обедах его лучшими и единственными гостями были люди, имевшие то или другое влияние и отношение к литературе, и потом мы, его сотрудники. Если затем из высчитанных нашим доморожденным политикоэкономом 20 тысяч у Некрасова что-нибудь и оставалось, то ведь всякий почти шеф высшего правительственного учреждения получает ту или другую, смотря по рангу, негласную сумму денег в его личное распоряжение, в которой никому не дает отчета. Мог ли обходиться без такой суммы Некрасов со своими новыми идеями в то только начавшееся время русского прогресса, когда большинство крепостнического общества тяготело к старому строю жизни и не могло отстать от его привычек? Представим себе, что к нему приходит человек, сочувствующий этим идеям и имеющий влияние и отношение к литературе, и говорит: "Не можете ли, Николай Алексеевич, ссудить мне на несколько времени Две или три тысячи рублей. Денег нет, а за границу ехать необходимо: жена и дети больны". Разве мог такой умный человек, как Некрасов, отказать такому сочувствующему к новым идеям человеку в каких-нибудь двух, трех тысячах рублей? А с другой стороны, мог ли Некрасов выдачу такой суммы записать в расход и объявить нам, сотрудникам "Современника". Помилуйте, да мы все, сотрудники "Современника", были честные люди. Честность была самым лучшим нашим украшением. Мы бы все в один голос закричали: "Да это подлость"; "Это подкуп", и немедленно убежали бы из "Современника"; нам тогда и в ум не приходило, куда нам бежать. Бежали бы из "Современника", да и все. А бежать действительно было некуда. Был единственный журнал, кроме "Современника", который сочувствовал известным идеям,-- это "Русское слово", но редактор этого журнала Григорий Евлампиевич Благодетель, был человек очень странный, чтобы не сказать более, и, кроме того, несимпатичный. Пристроиться у него навсегда мы ни под каким видом не согласились бы. Некоторые из нас пробовали было основаться

самостоятельно - издавать свои сочинения отдельными книжками. Но дело не пошло на лад. Книжки известнейших по журналу сотрудников публика покупала в количестве 400--500 экземпляров. В итоге получались гроши, на которые жить было нельзя. А мы хоть не эпикурейцы, как Некрасов, по были избалованы хорошим гонораром, который давал "Современник", и привыкли к некоторым удобствам жизни. Притом уже у всех нас были супруги, которым нужно было дать приличную обстановку. И вот мы, честные люди, по инициативе нашего политикоэконома, решились заставить Некрасова именно сделаться таким же честным человеком, как и мы. Один раз, когда Некрасов стал жаловаться на бедность доходов журнала, на недостаточность денег и на наши возражения предложил нам поверить его конторские книги, то мы, о срам, вызвались идти и делать самоличную поверку. Признаюсь, при одном воспоминании об этом по малой мере неприличном походе для ревизии конторских книг "Современника" у меня до сих пор выступает краска на лице. Контора "Современника" помещалась в то время в квартире заведующего конторой Ипполита Александровича Панаева, недалеко от Технологического института. И вот гурьбой все мы, сотрудники "Современника" - я, Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович, В. А. Слепцов, А. Ф. Головачев - отправились к Панаеву. Не помню, был ли на ревизии А. Н. Пыпин. Панаев принял нас очень любезно, раскрыл все книги и стал давать объяснения по своим бухгалтерским счетам. Мы, не знакомые с бухгалтерским счетоводством, шутили, спорили, смеялись над теми *qui pro quo* {недоразумения (*лат.*)}, которые получались в наших понятиях по объяснениям Панаева к терминам бухгалтерии. Наш поход или, лучше сказать, набег на контору журнала был для нас в некотором роде *partie déplaisir* {увеселительная прогулка (*франц.*)} и не доставил нам ничего, кроме удовольствия, хотя мы далеко уже были не детьми: младшему из нас, Антоновичу, было не менее 30 лет, я был старше его на 15 лет, возраст остальных варьировал между этими двумя цифрами. Все мы, неглупые, кончившие курс в высших учебных заведениях, дипломированные, сами себя считали людьми умнейшими во всей России. Вдобавок ко всему этому надобно сказать, что мы вовсе не были злы. Но никому из нас и в голову в то время не приходило: какое жестокое издевательство совершаем мы над Некрасовым. Никто не подумал о том, что должен был передумать и перечувствовать этот человек во время этой ревизии. А еще больше, что он должен передумать и перечувствовать после того, как эта неслыханная не только у нас, но и во всей литературе ревизия сотрудников над кассою своего редактора огласится в литературных и журнальных кружках. Ведь подобная ревизия равносильно объявлению редактора если не доказанным, то подозреваемым вором².

Таких унижений, самых оскорбительных для самолюбия всякого человека, от нашей честности Некрасов претерпел немало, так что, обращаясь на прошедшее, думаешь, как мог выносить все это Некрасов, чего я уверен, не вынес ни один из известных мне бывших и существующих редакторов, а тем более не вынес бы никто из нас, считавших себя вправе оскорблять его. Всякий на его месте сказал бы: "Да ну вас к черту, честные люди", бросил бы все, и конец. Тем более и тем скорее сделали бы это мы, бывшие сотрудники "Современника", ибо все мы были с великим гонором и великого о себе мнения. Представляю, однако, и еще несколько примеров унижения Некрасова от нашей честности.

Вместе с пожарами Апраксина двора в Петербурге в 1862 году и взятием под стражу Чернышевского, "Современник" был остановлен на девять месяцев³. Все друзья и враги интересовались знать, почему остановлен "Современник", и все приставали к Некрасову с этим вопросом; Некрасов всюду, куда являлся, чтобы отвязаться от вопрошающих, отвечал кратко: "Да, я не знаю, за что остановили "Современник"; верно, моя консистория там что-нибудь в нем напутала". Когда слух этот дошел до нас с Максимом Алексеевичем Антоновичем, мы с ним очень этим обиделись, обиделись до того, что порешили не участвовать более в "Современнике", если бы он и открылся⁴. Я осенью в этом году был приглашен редактировать имевшую открыться с нового 1863 года газету "Очерки"⁵. Антонович согласился писать в будущей газете политическое обозрение и, кроме того, решил искать другой работы. Чем мы тогда обиделись, теперь даже и понять трудно. По существу, Некрасов, действительно, ответил так, как стояло тогда дело. "Современником" тогда безраздельно почти заведовал один из членов этой консистории, человек умный, даровитый и высоконравственный, которому Некрасов вполне безгранично доверял⁶. Многого, что печаталось тогда в журнале, Некрасов, вероятно, часто не читал за недосугом. И если что напутано было в журнале, то напутала, конечно, консистория. Но своим ответом Некрасов вовсе не отрицал своего согласия с тем, что напутано, а тем более своей главной ответственности за напутанное перед правительством. Со стороны Некрасова дать почувствовать вопрошающим, что он сам все напутал, было бы не

только несправедливо, но походило бы на хвастовство, а главное было бы совсем не умно. Ведь если бы дать такой ответ, то ему после не разрешили бы продолжать издание "Современника". Но мы, конечно, и таким его ответом не удовлетворились бы. Наша честность желала, чтобы Некрасов явился подвижником первых времен христианства, то есть предстал пред подлежащим начальством, объявил ему, что ничего напутанного в "Современнике" нет, что все, что напечатано, именно и есть сама святая истина, которую он признает умом и сердцем и что член консистории, который написал и позволил другим написать, все это сделал по его желанию и по требованию. От такого исповедничества арестованному члену консистории никакой бы пользы не было, самому Некрасову никто не поверил бы в его признаниях, а за его рыцарский подвиг его или посадили бы туда же, где сидел член его консистории, или отправили бы временно охладиться в Архангельскую губернию. Как бы то ни было, но когда в конце 1862 года Некрасов из своего имения приехал в Петербург, его поразила неприятная новость, что мы с Антоновичем оскорблены его поведением и твердо решили отказаться от участия в "Современнике", а я даже законтраковался работать в газете. Положение Некрасова накануне открытия "Современника" - срок оплаты "Современника" истекал в январе 1863 года - было незавидное. Блестящий штаб "Современника" совсем исчез. Добролюбов умер, глава консистории продолжал сидеть, и не было надежды, что он выйдет оттуда. Примыкавший к этому штабу, в качестве некоего многоценного алмаза, на коего все надежды возлагал арестованный глава консистории, Антонович ушел из "Современника"; я, хотя и не был алмазом, но тоже, как примыкавший к прежнему блестящему штабу, более или менее был известен тогдашней публике,-- также отошел от "Современника". Из старых постоянных сотрудников "Современника" остался один А. Н. Пыпин. Некрасов немедленно отправляется к Антоновичу и ко мне, умоляет нас, чтобы мы не покидали "Современник", и перед каждым из нас, а потом перед обоими вместе он клялся, призывал в свидетельство все, что было для него святого, что никогда он переданных нам слов не говорил, что он привязан и душой и сердцем к идеям, проводимым "Современником", но что, как ни дороги для него эти идеи, он не решится без нас продолжать издание журнала, что, "если мы не согласимся участвовать в нем, он немедленно закроет журнал. Мы с Антоновичем для него необходимы"⁷. Мы, наконец, смиловались над бедным Некрасовым. Я согласился, не оставляя "Очерков", в которых был законтракован, поставлять "Внутреннее обозрение" в "Современник", а Антонович стать во главу его⁸. Не знаю, знал ли Антонович, но я знал наверное, что Некрасов действительно говорил те слова, которыми мы обиделись. Мне передал их один хорошо знакомый мне человек, который слышал сам эти слова, когда Некрасов говорил в каком-то книжном магазине, а этот человек был настолько правдив и беспристрастен, что в верности и точности переданных сказанных слов сомневаться было бы немыслимо⁹. Для меня было очевидно, что Некрасов лгал, отрицаясь от сказанных слов. И это именно обстоятельство меня очень кольнуло, где-то там в глубине души. Хотя я был тогда вполне убежден в моей честности, но мне вдруг как-то стало не по себе от этой честности. Как Некрасов, этот лучший поэт, которым зачитывалась вся Россия, на песнопениях которого воспитывалось столько поколений, в поэзии которого свет и правду черпал даже я, его сверстник, не говоря уже об Антоновиче,-- и вдруг этот человек поставлен в необходимость раболепствовать перед нами, унижаться даже до лжи... Как хотите, это было характерно. А вот и другой:

4 апреля 1866 года последовал каракозовский выстрел в покойного государя. Общество, не ожидавшее ничего подобного, пришло в страшную панику, и большинство, как всегда бывает в подобных чрезвычайных случаях, набросилось на литературу, будучи уверено, что среди нас именно надобно искать виновников покушения. В этом же сначала был, по-видимому, убежден и высочайше назначенный верховным следователем по этому делу граф М. Н. Муравьев. Он взялся круто за дело, и все участвовавшие в литературе, конечно, были в трепете, ожидая денно и нощно неизбежного арестования. В особенности должны были трепетать сотрудники "Современника", который считался главным очагом всех перверсивных якобинских идей. Поэтому, когда вскоре после происшествия в Английском клубе, вероятно, в честь высокого доверия, выказанного государем графу Муравьеву в назначении его следователем, последнему давался обед, Некрасову, который был членом Английского клуба, пришла несчастная мысль приветствовать графа Муравьева стихами. Граф принял это приветствие очень недружелюбно. На другой же день об этом разнеслось по всему городу и потом появилось во враждебных нам газетах с разными инсинуациями¹⁰. Нас эта история повергла в великое уныние. В первый редакционный обед мы явились в редакцию с мрачными лицами. Напрасно Некрасов хотел перед нами оправдаться, напрасно читал стихотворение, сказанное перед Муравьевым, указывая, что в нем нет противного нашей честности. Весь смысл

стихотворения заключался, помнится, в том, что поэт, обратясь к Муравьеву, говорил: "Разыщи виновников и казни их". Другого, конечно, и сказать было нельзя, уж если начал говорить приветствие следователю. Но нам претили самая инициатива и факт такого приветствия, вызванного, очевидно, трусостью. Конечно, мы все трусили не менее Некрасова, и прими граф Муравьев приветствие Некрасова благосклонно, мы бы извинили Некрасову его трусость. Теперь же мы были непреклонны в нашей честности, и он погиб в нашем мнении навсегда. А мы были тогда для Некрасова целый мир. Что мир! Больше целого мира. Мы были для него все. Признай мы поступок его, положим, необдуманном, но ничего криминального не заключающим и никакой кары не заслуживающим, каким он действительно и был, Некрасов был бы совершенно спокоен, что бы о нем ни говорили и ни писали другие. Но этого мало: мы были настолько влиятельны для общественного мнения, что если бы мы высказали твердо наш взгляд на поступок Некрасова как на дело совершенно незначущее и никакого внимания не заслуживающее, то общество перестало бы смотреть на него как на дело позорное и немедленно бы о нем забыло. Но наша честность продолжала распространять и усиливать враждебное отношение общества к Некрасову на основании этого незначущего его поступка, пока наконец вопрос о четвертаках не отделил большую часть честных людей от Некрасова и не заставил их из вражды к нему решиться для опозорения его на публичный скандал¹¹. <...>

Слухи о том, что происходило в Английском клубе на данном графу Муравьеву обеде, о стихах, сказанных здесь Некрасовым Муравьеву, и о неблагоприятном отношении Муравьева к поэту, с разными дополнениями и украшениями быстро разнеслись по городу и только увеличили общую уверенность в виновности литературы, в особенности в избранных муравьевских помощниках следственной комиссии, гвардейских офицерах - людях молодых и в следственной части столько же мало умелых, сколько неопытных. Некрасов скоро на себе должен был испытать, как неблагоприятно он поступил, выставившись с своим стихотворением перед графом Муравьевым. На другой день после моего ареста¹² Некрасов храбро явился на мою квартиру, чтобы осведомиться: что случилось и как. Я говорю храбро потому, что ни один из моих товарищей и вообще никто из сотрудников "Современника" не решился этого сделать. Ибо с того момента, как известие о выстреле Каракозова стало известно всему Петербургу, все прикосновенные к литературе тотчас поняли, что как бы ни пошло дело следствия, но литература, по установившемуся у нас обычаю, все-таки первая будет привлечена к ответу, и потому все засели дома, стараясь как можно меньше иметь между собою сообщений, исключая, разумеется, случаев крайней нужды. Некрасов прибыл на мою квартиру как раз в тот момент, когда там присутствовал гвардейский офицер, тот самый, который накануне арестовал меня, производил обыск у меня и который теперь отбирал показания у моей жены и прислуги. Гвардейский офицер, при появлении Некрасова, немедленно арестовал его. Жена моя сначала немного смутилась и не знала, что ей делать, но потом, немного подумав, обратилась к офицеру с такой речью: "Господина Некрасова я вижу сегодня лицом к лицу в первый раз. Он мне вовсе незнаком. Он приезжал иногда к моему мужу по делам журнала, но они говорили с мужем глаз на глаз в кабинете мужа, и я никогда при этом не присутствовала. Вы вчера пересмотрели тщательно все бумаги мужа и взяли, что вам нужно, точно так же вы можете взять бумаги и у Некрасова и допросить его, о чем вам нужно, у него на дому. Некрасов - лицо слишком известное не только в Петербурге, а и в целой России. Вероятно, и вы уже учились по его стихотворениям. Он, конечно, никуда не убежит, зачем же вы будете удерживать его здесь без всякой нужды, когда и я его не знаю, ни он меня не знает"¹³.

Офицер смутился, не нашел, что отвечать на слова жены, но позвал прислугу и спросил, часто ли бывал у нас Некрасов и действительно ли Некрасов незнаком с моей женой, и, получив от прислуги ответы, вполне подтверждавшие слова жены, отпустил Некрасова. Но потом, продолжая допрашивать мою жену, он одумался и раскаялся в том, что отпустил Некрасова. "А это все вы виноваты, - ворчал он то и дело, обращаясь к моей жене с упреком. - Со страху Некрасов очень легко мог бы сказать что-нибудь такое, что послужило бы нитью на раскрытие заговора. Некрасов, наверное, играет тут не последнюю роль"¹⁴.

Я был арестован и отвезен в крепость 28 или 29 апреля¹⁵. Вскоре после взятия моего в крепость "Современник" по высочайшему повелению был закрыт. После ликвидации его Некрасов немедленно уехал в деревню и прожил там вплоть до конца 1867 года. За все это время он приезжал, сколько мне помнится, не более одного раза в Петербург и то на короткое время¹⁶. Между тем, живя в деревне и несколько оправясь от страха, нагнанного каракозовским

погромом, он начал задумываться об основании нового журнала вместо уничтоженного "Современника". Не помню, в конце ли 1867 или в начале следующего года он прислал мне письмо, в котором, говоря об этом своем намерении основать новый журнал, он спрашивал меня: не пригласить ли ему к постоянному сотрудничеству в этом журнале некоторых новых лиц. В числе этих новых лиц были упомянуты граф А. Толстой, Я. Полонский, Карнович, других не помню¹⁷. Хотя названные лица были совершенно безразличны, только графа А. Толстого молодежь недолюбливала за его "Пантелея-целителя"¹⁸, и сочинениям некоторых из них "Современник" и прежде давал место на своих страницах, тем не менее заявить об их постоянном сотрудничестве в журнале значило бы дать новую окраску журналу в глазах публики. Очевидно, что Некрасов не вполне оправился от случившегося погрома, и тенденция дать новую окраску журналу была внушена ему страхом такой же катастрофы с предпринимаемым им журналом, каковую потерпел "Современник".

Я отсоветовал Некрасову давать другую окраску журналу. Что я ему писал, конечно, теперь не помню¹⁹. Но смысл моего письма был такой: "Современник" с вами во главе заявил себя горячим борцом за новую идею и постоянно твердо и неуклонно, шаг за шагом, шел за новыми реформами. В этом смысле его поняла и отметила читающая публика. Отступить от этого пути, хотя бы на одну пядь, было бы нерезонно и невыгодно. Вам в новом журнале следует развернуть то же самое знамя и нести его так же твердо и неуклонно, как и прежде, в полной уверенности, что новые идеи, в конце концов, все победят и всем завладеют".

Спустя некоторое время после этого в Петербург приехал сам Некрасов. Но о новом журнале и о моем письме ни слова. Когда я спросил его: "Что ваши мечты о новом журнале", он отвечал, что перестал об этом думать. "Дело это, - сказал он, - в настоящее время совсем невозможное. Издавать журнал не разрешат ни мне и никому из бывших сотрудников "Современника". Я Думаю заняться изданием время от времени сборников, как издавал в прежнее время. К ним также можно приучить публику, и они будут иметь ход²⁰. Напишите сами, что найдете нужным, и приглашайте других, кто захочет, готовить статьи для первого сборника, который я думаю выпустить в будущем тысяча восемьсот Шестьдесят восьмом году. Я согласен давать вперед деньги в счет будущих статей". На этом мы с ним расстались. Вскоре он снова уехал в деревню.

В конце 1867 года Некрасов снова приехал в Петербург и, явившись ко мне, сказал, что он вместо предположенного сборника, может быть, будет издавать журнал, что есть все данные надеяться на успех, что прежние сотрудники "Современника", с которыми он виделся, согласны в нем участвовать, и пригласил меня на следующий день к себе для обсуждения разных вопросов по устройству нового журнала. Причем сообщил мне, что этим новым журналом будут "Отечественные записки", которыми, как нам всем было известно, давно уже тяготился Краевский, занятый изданием "Голоса", и с удовольствием готов был отдать их в аренду²¹, тем более, что они не доставляли ему почти никакого дохода. Это известие, что мы, бывшие сотрудники "Современника", будем работать в бывшем органе Краевского, который мы так часто осмеивали и третировали на всевозможные лады, сначала меня немножко смутило. Но потом я подумал: что же тут дурного, что мы отнимаем орган у противной нам партии и превращаем его в орган своей партии. Тут мы не только ничего не проигрываем, напротив, приобретаем. Надобно только устроить дело так, чтобы мы стали в нем вполне независимы от собственника журнала.

Когда на другой день в назначенный час я пришел к Некрасову, там уже было несколько человек. Кроме Некрасова, здесь были М. Е. Салтыков, Д. И. Писарев. Кто были еще, не помню. Знаю, что М. А. Антонович не мог быть, ибо он был в то время за границей. Был ли Л. Н. Пыпин, не знаю. Ю. Г. Жуковский в своем "Post scriptum'e" к литературному объяснению г. Антоновича с Некрасовым говорит, что он в этом собрании не был. И надобно этому верить²². Еще до прихода моего началась речь о том: брать ли в аренду - и все на это согласились, согласился и я. Согласились на то, чтобы "Отечественным запискам" при новой редакции дано было направление "Современника". Затем пошел вопрос о том: кого выбрать ответственным редактором "Отечественных записок". Оказалось, что нельзя было надеяться, чтобы утвердили кого-нибудь редактором из бывших сотрудников "Современника". Ибо все они были скомпрометированы, кроме запрещения "Современника" по высочайшему повелению, еще косвенным приговором над "Современником" верховного суда по делу Каракозова²³. После

этого возник вопрос о том, нельзя ли остаться под ответственной редакцией Краевского. Возможность издавать журнал под ответственной редакцией Краевского прежде мне никогда не приходила и не могла прийти в голову. Ибо имя Краевского было все время так скомпрометировано в литературных кружках и при этом едва ли в каком-нибудь журнале оно подвергалось большему осмеянию и глумлению, чем в "Современнике", что мысль о том, чтобы сотрудники "Современника" могли очутиться под редакцией Краевского, являлась *contradictio in re* {противоречие по существу (*лат.*)}, чистым бессмыслием. Потому внезапно высказанная комбинация о том, чтобы издавать прогрессивный журнал под ответственной редакцией Краевского, до того меня поразила, что я прямо и решительно сказал: "Это чистая нелепость. Это совсем невозможно". Вслед за мной и М. Е. Салтыков, которого, вероятно, еще прежде, до моего прихода, Некрасов соглашал на такую комбинацию, энергично заявил: "Это в самом деле черт знает что. Надо бросить", взял шапку и хотел уйти. Но Некрасов удержал его и стал нам говорить, что напрасно мы горячимся, что "он и сам и не думает и не желает остаться под редакцией Краевского, что он немедленно озаботится приисканием человека, которого можно было бы избрать в ответственные редакторы журнала, просит нас об этом позаботиться, ибо приискание такого редактора, который бы был вполне солидарен с направлением журнала и по нравственным качествам не причинял бы разных хлопот журналу в том или другом отношении, дело нелегкое - на приискание такого человека и утверждение его потребуются, может, не один, не два месяца, а может быть, и больше; не утвердят одного, надо будет искать другого и опять представлять на утверждение. Из-за таких пустяков, не имеющих, собственно говоря, никакого отношения к делу, может быть не начато, совсем брошено хорошее дело. Это как хотите, господа, будет совсем не умно. Отчего бы нам не оставить на один, на Два, на три месяца, одним словом, на все то время, когда будем искать подходящего человека в редакторы, ответственным редактором Краевского? Мы Краевского можем обязать клятвенной подпиской, чтобы он не имел ни малейшего касательства до литературной части журнала, больше чем имеет официальный цензор журнала, выходящего без предварительной цензуры. И раз мы увидим, что он не исполняет своей клятвенной подписи, а вздумает посягнуть хоть па одну строку из заготовленного материала для книжки журнала, не объяснив, вследствие каких цензурных соображений это делает, мы можем немедленно бросить его журнал и уйти. Поверьте, что Краевский, в качестве ответственного редактора, будет тише воды, ниже травы. Журнал до сих пор не давал ему ничего, кроме чистого убытка и хлопот, а теперь он будет получать арендную плату, и если журнал пойдет хорошо, то сверх того и некоторую часть из чистой прибыли. Что касается до криков других журналов и газет об этом странном соединении прежних сотрудников "Современника" с Краевским, об измене их прежнему направлению, то ведь за нас будет говорить сам журнал. Из него увидят все, изменили ли мы прежнему направлению". В таком роде держал к нам свою речь Некрасов, и мы с Салтыковым не могли не признать ее резонною²⁴. Потому и было решено: временно оставить Краевского ответственным редактором "Отечественных записок", но потребовать от него, чтобы он собственноручной подпиской заявил, что он как ответственный редактор отдает в полное наше ведение и распоряжение литературную часть журнала, предоставляя полную свободу нашей мысли, и будет заботиться только о том, чтобы не было таких инцидентов, за которые цензура может задержать журнал²⁵.

Здесь я должен сказать, что все разговоры об "Отечественных записках" Некрасов вел отдельно с каждым из нас, бывших в Петербурге троих сотрудников "Современника", по крайней мере, с Пыпиным и Жуковским отдельно от меня²⁶. Пыпин и Жуковский не были на том общем совещании, о котором я сказал выше, на котором присутствовали Салтыков и Писарев, когда речь шла о взятии в аренду "Отечественных записок". После каракозовской истории я стал в некоторые особенные отношения к Некрасову. Когда я только что вышел из крепости и, не находя нигде работы, не имел чем содержаться, Некрасов написал мне из деревни письмо²⁷, в котором предлагал мне заняться приготовлением статей для предполагаемого сборника, обещая мне в счет этого будущего издания давать время от времени некоторое количество денег на мое содержание. Я, конечно, с охотой на это согласился и занялся приготовлением статей. Вследствие этого по приезде Некрасова из деревни я виделся с ним часто, с остальными же товарищами по выходе из крепости я совсем не виделся, кроме Антоновича, к которому я тогда искренне был привязан, но он вскоре уехал за границу; к Жуковскому и Пыпину особой привязанности я не имел, но смотрел на них как на добрых товарищей, с которыми приятно стоять у одного дела. Верно, во время моего сидения возникло во мне некоторое сомнение относительно Жуковского, именно когда жене моей объявили в исследовавшей мое дело каракозовской комиссии, что меня выпустят из крепости, если она найдет поручителя за

меня, и жена обратилась с просьбой к Антоновичу найти таких поручителей, а Антонович направился к Жуковскому, у которого поручители имелись, то Жуковский наотрез отказал принять на себя хлопоты по этой просьбе. Но и такому отказу я не придавал никакого значения. Ввиду той страшной паники, которая охватила тогда все общество по случаю каракозовского выстрела, о какой в настоящее время и представить нельзя, не было ничего удивительного, что Жуковский отказался искать для меня поручителя, тем более, что он имел основание бояться и трусить более, чем другие. Когда раз Некрасов, по приезде пришедши ко мне, объявил, что, может быть, вместо "Сборника" он будет издавать журнал и что есть все данные надеяться на успех, что прежние сотрудники журнала, то есть Жуковский и Пыпин, соглашаются в нем участвовать, то я очень этому обрадовался. Но я продолжал сидеть дома, заниматься приготовлением статей для будущего "Сборника" или журнала и не виделся ни с кем из прежних участников "Современника", кроме Некрасова. <...>

Я был в полной надежде, что прежний "Современник" возродится в "Отечественных записках" в полном составе всех бывших сотрудников "Современника".

Как вдруг произошло нечто совсем для меня невероятное. Раз Некрасов приезжает ко мне и настоятельно зовет меня ехать вместе с ним на совещание об "Отечественных записках" к А. М. Унковскому, где, дескать, будет Жуковский. Я долго отказывался от поездки, говорил, что дело обойдется без меня, что я вперед согласен, на чем порешат они с Жуковским, но Некрасов продолжал настаивать и требовал, чтобы я непременно ехал. Наконец я согласился, и мы поехали. Когда мы пришли, Жуковский был уже там. Некрасов начал речь с того, что прямо сказал Жуковскому, что если он, Некрасов, и согласится с ним, Жуковским, издавать журнал с тем, чтобы чистая прибыль от журнала делилась между ними двоими, то все же надобно вперед определить, из кого составить редакцию и кто будет оплачивать членов, входящих в состав редакции. На что Жуковский отвечал, что "он согласен, чтобы в состав редакции вошли Пыпин и Антонович, и согласен, чтобы их труд по редакции оплачивался". "А как же Елисеев, - спросил Некрасов. - Ведь он тоже находится в составе редакции". - "Если вам угодно, - отвечал Жуковский, - можете оплачивать его из своей доли прибылей, но я не имел его в виду". Эти слова, сказанные Жуковским в моем присутствии, так меня поразили, так показались мне невероятными, что, если бы мне передал их сам Некрасов и при этом клялся и божился, что он слышал их от Жуковского, я никогда бы ему не поверил. Надобно полагать, что Некрасов еще прежде слышал от Жуковского о предполагаемом исключении меня из числа членов редакции в новом журнале, нужно было употребить все усилия, чтобы вытянуть меня из дома и заставить ехать присутствовать при совещании об "Отечественных записках" с Жуковским, чтобы я собственными ушами выслушал предположенный его план обо мне. То, что я услышал, никак, конечно, не могло утвердить во мне товарищеские чувства не только к Жуковскому, но и к Пыпину. Я не вступил ни в какие пререкания с Жуковским, но для меня вполне выяснилась та коварная махинация, которая предпринята была им относительно меня через ведение сепаратных, секретных от меня переговоров с Некрасовым относительно новых оснований, на которых будут вестись "Отечественные записки". Они были уверены, что раз переговоры ведутся секретно от меня, согласятся ли они с Некрасовым, пойдут ли, не согласившись с ним, к Тиблену, я все равно, ничего не подозревая, по чувству товарищества, пойду за ними. В первом случае секрет, конечно, мог обнаружиться впоследствии, но тогда, когда роптать на это и принимать надлежащие меры было бы уже поздно.

Когда мы вышли с Некрасовым с этого совещания, Некрасов раскрыл передо мною и остальные карты моих бывших товарищей. Господин Жуковский поставил следующий ультиматум Некрасову: он объявил, что согласен участвовать в журнале только в том случае, когда вся прибыль журнала будет делиться на две половины: одна отдаваться ему, другая - Некрасову. Но так как то или другое количество чистой прибыли зависит от того или другого количества расходов по журналу, то он потребовал, чтобы ему не только открыты были все эти расходы, не только в предварительной смете годового бюджета и в годовой проверке по окончании года, но чтобы ему было предоставлено право соглашаться или не соглашаться на эти расходы при самом их производстве, так что он мог положить veto на печатание каждой статьи, которую он признал ненужною для журнала, но и на количество выплачиваемого за нее гонорара, на наем каждого рассыльного, которого признал бы он лишним, и т. д. Одним словом, он хотел сделаться не только постоянным наблюдателем, ревизором всех расходов журнала, но и настоящим его хозяином, распоряжающимся и всем внутренним содержанием. Некрасову

оставалось только быть у него на побегушках. Так высоко ценил себя г. Жуковский после всех трескучих и блиставших краснотой фельетонов. Ему казалось невозможным, чтобы и после этих фельетонов Некрасов не признал в нем такую же палату ума, какую признавал в бывшем члене консистории, теперь уже сосланном в Сибирь на каторгу. Обстоятельства сложились так, что вполне благоприятствовали замыслам Жуковского на полное пленение в рабство Некрасова²⁸.

Само собою разумеется, что после заявленного мне г. Жуковским остракизма я не мог идти вместе с моими бывшими товарищами. Они не сошлись с Некрасовым в преобразованных "Отечественных записках". <...>

Примечания

С Григорием Захаровичем Елисеевым (1821--1891) Некрасов сотрудничал около двадцати лет. В конце 1858 года в "Современнике" была опубликована первая статья Елисеева "О Сибири", а через год он становится постоянным сотрудником журнала. С 1861 года он ведет в "Современнике" "Внутреннее обозрение", раздел, посвященный критическому обзору событий в России и русской прессы. О том, каким авторитетом пользовался Елисеев в редакции "Современника", можно судить по следующему отзыву Чернышевского: "... Читал ли кто статьи Григ. Зах. Елисеева? Никто. Ответственность за них лежала на мне. Я никогда не читал их (кроме первых, по которым увидел, что можно доверять Елисееву). А Некрасов тем меньше читал их" (*Чернышевский*, т. XV, стр. 783--784), После ареста Чернышевского Елисеев становится одним из руководителей журнала, сотрудничая в то же время и в других демократических изданиях. Совместно с В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым он редактировал "Искру". Формируя состав редколлегии "Отечественных записок", Некрасов считал Елисеева "в предполагаемом деле нужным и полезным..." (XI, 92) и настаивал на его кандидатуре как будущего члена редакции. В "Отечественных записках" Елисеев, как и Салтыков-Щедрин, был одним из соредкторов. В конфликте Некрасова с Жуковским и Антоновичем (см. стр. 163) Елисеев встал на сторону поэта. Отвергая обвинения бывших сотрудников "Современника", изложенные в брошюре "Материалы для характеристики современной русской литературы" (1869), Елисеев писал: "По отношению к специальной своей цели, то есть диффамации г. Некрасова, книжка гг. Антоновича и Жуковского не дает никаких веских данных" (ОЗ, 1869, No 4, стр. 336).

Елисеев и Некрасов не были близки между собой. Между ними часто возникали несогласия, расхождения в трактовке современных общественно-политических событий. Несмотря на то, что отдел публицистики в журнале возглавлял Елисеев, Некрасов нередко поручал ответственные выступления по этому разделу Щедрину. Иногда разногласия настолько обострялись, что Елисеев намеревался уйти из журнала. Так было в марте 1876 года.

Отношение Елисеева к Некрасову было противоречивым. Михайловский писал: "Он, конечно, всегда признавал ум и талант Некрасова и огромность его заслуги в литературе. Но вместе с тем мне случалось слышать от него очень резкие отзывы о нравственной личности поэта..." (Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. VII, СПб. 1909, стлб. 472). С. Н. Кривеико считал, что Елисеев умел "ладить с Некрасовым", но питал к нему неприязнь. "Впоследствии, когда мы ближе познакомились, он, уже не стеснялся, прямо бранил Некрасова и истолковывал некоторые его действия так, что мне приходилось не раз оспаривать его, выставляя совершенно другое объяснение..." (*PM*, 1901, No 7, отд. II, стр. 112).

Эти отношения стали более дружественными в последние годы жизни поэта. Узнав о болезни Некрасова, Елисеев писал ему 27 сентября 1876 года в Крым: "Не могу выразить Вам, как эта весть огорчила не только меня, но и мою жену, и не эгоистично только, не потому, что Вы стоите во главе нашего общего дела, а лично за Вас" (*ЛН*, т. 51--52, стр. 258).

После смерти поэта, отбросив былые предубеждения, Елисеев оценил его с точки зрения задач и интересов демократического движения. В некрологе, вырезанном цензурой из "Отечественных записок" (1878, No 1), он писал: "Своим сочувствием к покойному, признанием его заслуг, интеллигентное общество указало тот путь, по которому должен идти каждый

талант, чтобы удостоиться общественного признания. За *каплю крови*, общую с народом, сохраненную поэтом до конца жизни, оно не вспомнуло на его могиле о тех случайных отклонениях, которые он делал на пройденном им пути и которые так смущали совесть поэта в последние годы его жизни". Елисеев характеризовал Некрасова как народного поэта, главу "нового направления литературы" и журналистики ("Пролетарские писатели - Некрасову", изд. "Московский рабочий", 1928, стр. 66).

В суждениях Елисеева о Некрасове была и "неверная нота". Елисеев эволюционировал от демократизма к либеральному народничеству. Он оправдывал тактику компромиссов и "неверные звуки" поэзии Некрасова. "Некрасову, по словам Елисеева, приходилось говорить иногда приспособительно к обстоятельствам и *ad hominem* {к человеку (*лат.*)}. Это бросало на него фальшивый свет и в глазах людей, действовавших вместе с ним, и в глазах сторонних лиц. Но без этого Некрасов в своей журнальной деятельности едва ли бы долго мог идти против течения в качестве руководителя" (*ОЗ*, 1878, No 3, отд. II, стр. 120).

В ответ на резкое обвинение каракозовцем И. А. Худяковым (в книге "Опыт автобиографии") Некрасова за его "муравьевскую оду" Елисеев в 1882 году написал обширное "примечание" (об его истории см.: "Из неизданной переписки П. Л. Лаврова и Г. З. Елисеева". - *ЛН*, т. 19--21, стр. 260--261; "Из разысканий о Некрасове в архивных фондах III Отделения и департамента полиции". Публикация С. Макашина, *ЛН*, т. 53--54, стр. 207--208), в котором свою точку зрения сформулировал еще более отчетливо: "... Во мраке *того глубокого рабства, в котором жила и до сих пор живет еще Россия*, ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тем более дело, не могут явиться без компромиссов, *ибо все может явиться только с соизволения*". "*Жертва, принесенная Некрасовым чудовищу, была, по нашему мнению, не только вполне законна, но и необходима...*" ("*Шестидесятые годы*", стр. 460, 462). Некрасова Елисеев причислил к "героям-рабам" и считал, что в России возможен именно такой тип общественного деятеля.

В последние годы жизни Елисеев занимался историей русской журналистики 60--70-х годов. В центре этой большой незавершенной работы (откуда и берутся ниже публикуемые воспоминания) две фигуры: Некрасов и Салтыков-Щедрин.

Мемуары Елисеева посвящены очень важному в истории русской общественной жизни событию - созданию нового демократического журнала "Отечественные записки", участником которого был Елисеев.

О своих противниках - Антоновиче и Жуковском - мемуарист пишет с нескрываемой иронией и преувеличивает свою роль в определении демократической программы преобразованных "Отечественных записок".

Печатается по рукописной копии, сделанной женой Елисеева - Е. П. Елисеевой и исправленной автором (*ИРЛИ*, 21690/СХ1 б. 63, лл. 1--2, 9--10, 16--22 об); впервые неполностью с произвольной разбивкой на части: "Шестидесятые годы", "Academia", М. --Л. 1933, стр. 310--322, 328--330, 344--355.

¹ Стр. 223, Имеется в виду Ю. Г. Жуковский.

² Стр. 225. М. А. Антонович опровергал факт подобной ревизии., По его словам, обсуждение "денежной стороны журнала" проходило в связи с планом передачи "Современника" в руки Антоновича, Жуковского, Елисеева, возникшем по их же инициативе, не осуществленном ("*Шестидесятые годы*", стр. 222--226). Эта версия подтверждается письмом Антоновича и Елисеева от января 1866 г. Ил. Панаеву, в котором говорится: "Николай Алексеевич письменно согласился отдать "Современник" в аренду постоянным сотрудникам журнала, в лице г. Антоновича. Для заключения подробных условий необходимо рассмотреть счета и книги по изданию журнала, преимущественно за истекший и текущий годы.

Посему сотрудники "Современника" поручили нам просить Вас помочь им в этом деле и показать счета и книги, для рассмотрения, которых они согласились собраться к Вам в

воскресенье, то есть 31 января" (*ИРЛИ*, 5077/XXVI, б. 169, л. 7). Возможно, что "ревизия" состоялась по этому поводу.

³ Стр. 225. Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. "Современник" приостановлен с мая 1862 г. на восемь месяцев.

⁴ Стр. 226. М. А. Антонович указывает другую, более вероятную причину их отхода от "Современника": он и Елисеев склонны были думать, что Некрасов после ареста Чернышевского откажется от прежнего направления "Современника" и от бывших его сотрудников. См. стр. 170. Некрасов 3 ноября 1862 г. писал Достоевскому, из Петербурга: "Про меня здесь распустили слухи, что я отступился от прежних сотрудников, набираю новых, изменяю направление журнала, все это завершается прибавлением, что я *предал* Чернышевского и гуляю по Петербургу; дошло уже и до Москвы, как мне пишут; дойдет, конечно, и до провинции" (X, 479--480).

⁵ Стр. 226. См. прим. 10 к стр. 170.

⁶ Стр. 226. Речь идет о Н. Г. Чернышевском.

⁷ Стр. 227. О характере этих переговоров некоторое представление дает письмо Е. Н. Пыпиной родителям от 9 октября 1862 г., в котором ход дела передается со слов Антоновича: "... Некрасов вчера приехал, и тут же в 9 часов утра прислал за Антоновичем. Тот сейчас же пришел к нам: "Хоть вы, говорит, и не можете мне дать совета, а все-таки иду спрашивать, что мне делать". Он накануне был у одного господина, Очкина, который предлагал ему сотрудничество по газете "Очерки", которую будет редактировать Елисеев, писавший внутренние обозрения в "Современнике". Вероятнейшим образом надо было ждать от Некрасова различных предложений, и вот он не знал, как ему быть с этим. Вы знаете, что дела иметь с Некрасовым они не желают. Антонович не вдруг отправился, но вечером опять получает настоятельнейший зов. Видно было по записке уже несколько встревоженное состояние духа. А между тем Антонович потому и не шел, что хотел напустить на Некрасова одного господина, который должен был объяснить все причины неудовольствия на Некрасова этих господ. На другой день присылает Некрасов за Сережей [С. Н. Пыпиным]. Оказалось, что Антонович не дал ему никакого положительного ответа на предложения по изданию "Современника" и насказал много кой-чего. Некрасов, конечно, оправдывается от всех обвинений, говоря, что у него мало друзей и много врагов, которые вот и повредили ему, и что если откажется Антонович, то он не будет издавать "Современник". - Чем они кончат, бог знает, но Антонович затрудняется один принять это дело, даже мимо всех этих дрязг" (*ЛН*, т. 25--26, стр. 388).

⁸ Стр. 227. М. А. Антонович стал соредактором "Современника".

⁹ Стр. 227, По воспоминаниям Е. П. Елисеевой, имя этого человека - А. А. Макавеев ("*Шестидесятые годы*", стр. 450).

¹⁰ Стр. 228. Некрасов в автобиографических заметках писал: "В известный год, в известном обстоятельстве я сказал М. Н. Муравьеву двенадцать стихов, за это даже Катков меня обругал в "Московских ведомостях", а уж о г. Буренине и говорить нечего" (*ЛН*, т. 49--50, стр. 161). Текст стихотворения неизвестен. См. прим. 21 к стр. 178.

¹¹ Стр. 229. Имеются в виду денежные претензии к Некрасову М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского, высказанные в книге "Материалы для характеристики современной русской литературы" (СПб. 1869). См. также прим. 28 к стр. 237.

¹² Стр. 229. Елисеев был арестован 26 апреля 1866 г.

¹³ Стр. 230. Е. П. Елисеева сделала в этом месте такое примечание: "Никогда таких длинных, к делу не пригодных и несколько смешных и напыщенных тирад я не говорила, о взятых бумагах не упоминала, ибо скорее естественнее было упомянуть о взятом муже, а

бумаги у меня у самой взяли, никогда я не рекомендовала сделать обыск и взять Некрасова у него на дому. Офицер был разозлен, а не смущен. Некрасов спокоен" (*"Шестидесятые годы"*, стр. 556). Е. П. Елисеева в своих воспоминаниях об этом эпизоде рассказывает так: "Началось с того, что он [офицер Теньков] приказал впускать всех, но не выпускать никого; процедура снятия показаний со всех присутствующих, прислуги и даже соседей продолжалась очень долго. Часа в два во всем, так сказать, разгаре этой процедуры вдруг послышался колокольчик. Так как в этот момент давала показания я и в своей комнате, дверь которой выходила в приемную, то, когда Теньков отворил двери, чтобы посмотреть, кто вошел, я встала также и вижу входящего Некрасова.

При виде его я обратилась к Тенькову и заявила, что господина Некрасова я не знаю и что это не мой знакомый.

Это его, видимо, взбесило.

- Как,-- он говорит, - вы не знаете господина Некрасова, когда называете его Некрасовым, и как вы можете так храбро отрицать свое знакомство, когда живете с господином Елисеевым.

Мой ответ был, что Некрасова нельзя не знать, живя в Питере, и что я его знаю, и знала, что он бывал у Григория Захаровича Елисеева, но своими личными знакомыми я считаю только тех, кого я принимаю в своей собственной комнате, а Некрасов никогда не переступал мотто порога.

Тогда он вышел из комнаты и, войдя обратно через несколько минут, с торжеством сказал мне:

- Как же вы говорите, что Некрасов у вас не бывал, когда ваша прислуга показывает противное.

Я потребовала очной ставки; позвала прислугу, которой он вздумал дать такой вопрос: "Знаю ли я Некрасова?"

Тогда я попросила его поставить вопрос категорически: "Видел ли кто-нибудь Некрасова в моей комнате, как всех прочих моих знакомых?"

Конечно, получился ответ отрицательный.

Во все продолжение этой борьбы Некрасов стоял посредине залы бледный, суровый.

Когда был кончен допрос прислуги, то Некрасов, обратясь к Тенькову, сказал, что он приходил к своему сотруднику Елисееву, низко поклонился мне и благополучно вышел" (*"Шестидесятые годы"*, стр. 418--419).

¹⁴ Стр. 230. Здесь Е. П. Елисеева сделала также примечание: "й это не точно. Офицер не говорил, что Некрасов со страху бы разболтался, а говорил, что им нужно только приобщить Некрасова, найти хоть негодный клочок, хоть ниточку, чтобы засадить его" (там же, стр. 586).

¹⁵ Стр. 230. См. прим. 12 к стр. 229.

¹⁶ Стр. 230. Некрасов жил всю зиму 1866/67 года в Петербурге. В марте 1867 г. уехал за границу.

¹⁷ Стр. 231. Такое письмо Некрасова Елисееву неизвестно. Некрасов во время переговоров о преобразовании "Отечественных записок" советовал Краевскому "взять в редакторы человека, не имеющего имени резко обозначенного", чтобы "развязать" "руки" для работы в журнале "многим дельным литераторам". В качестве примера такого возможного "нейтрального" редактора Некрасов называл Е. П. Карновича (см. XI, 94),

¹⁸ Стр. 231. Стихотворение А. К. Толстого "Пантелей-целитель" (1866) направлено против "нигилистов".

¹⁹ Стр. 231. Письмо неизвестно.

²⁰ Стр. 231, План издания сборников предшествовал идее издания нового журнала. Пыпин вспоминал, что в конце лета 1867 г. "Некрасов уже сошелся с Елисеевым в издании какого-то сборника (туда же был приглашен Писарев), были уже какие-то статьи и была речь о том, чтобы сборника не печатать, а просто сохранить их для будущего журнала" (*ИРЛИ*, ф. 250, ед. хр. 104).

²¹ Стр. 232. Не совсем так. На первых порах переговоров с Некрасовым Краевский хотел сохранить "Отечественные записки" за собой, предлагая ему редактирование отдела беллетристики. Некрасов от этого предложения отказался (см. IX, стр. 86--87) и предложил Краевскому передать журнал в аренду.

²² Стр. 232. По-видимому, это собрание состоялось примерно в середине октября 1867 г. 20 октября Щедрин уехал из Петербурга. "Post scriptum" - название раздела книги "Материалы для характеристики современной русской литературы" (1869), написанного Ю. Жуковским.

²³ Стр. 233. В обвинительном заключении по делу Каракозова говорилось, что все участники этого дела "принадлежат к лицам, преданным преступным учениям социализма и коммунизма" ("Покушение Каракозова", т. I, Центрархив, М. 1928, стр. 259). Каракозовцы в ходе следствия признались, что они находились под большим влиянием социалистических идей Чернышевского, его романа "Что делать?", опубликованного в "Современнике".

²⁴ Стр. 234. В октябре 1867 г. ни Салтыков, ни Елисеев ни приняли этих доводов Некрасова. Когда Некрасов около 20 ноября 1867 г. послал Салтыкову телеграмму о возможности издания журнала без участия Краевского (такая возможность в тот момент представлялась Некрасову реальной), то получил от него ответ! "... Я получил от Вас телеграмму о том, что "Отечественные записки" переходят к Вам без участия Краевского, и искренно сожалел, что все это случилось месяцем позже. Желательно было бы знать, на каких условиях и каким образом это случилось" (*Щедрин*, т. XVIII, стр. 198). Салтыков согласился с необходимостью оставить Краевского временно номинальным редактором несколько позже, Елисеев - в начале декабря 1867 г. Писарев информировал М. А. Маркович 5 декабря 1867 г.: "После обеда я отправился к Некрасову. Он в хорошем расположении духа. Все уладилось хорошо. Его, правда, еще не утвердили и, быть может, утвердят еще не скоро, но объявление о преобразовании "Отечественных записок" уже составлено и скоро будет напечатано, и первая книжка будущего года будет составлена уже из некрасовских материалов, хотя на обертке еще будет стоять имя Краевского. Словом, на первое время состоялась именно та комбинация, против которой восставал Елисеев, и Елисеев покорился, потому что это на первое время" ("*Шестидесятые годы*", Изд-во АН СССР, М. --Л. 1940, стр. 160).

²⁵ Стр. 234. 8 декабря 1867 г. был заключен нотариальный договор Некрасова с Краевским. Согласно договору, Краевский сохранял "за собою право просматривать в корректурных листах все статьи, приготовленные к печати", имел право "приостановить" печатание той или иной статьи, могущей "вызвать преследование администрации", "сообщив свои соображения Некрасову" (*ЛН*, т. 53--54, стр. 340).

²⁶ Стр. 234. Пыпин в то время выбирал между "Вестником Европы" М. Стасюлевича, "Современным обозрением" Н. Тиблена и журналом Некрасова и больше склонялся к либеральным изданиям. Но свое несогласие с Некрасовым он объяснял невозможностью сотрудничества с Краевским. В неоконченной статье, являющейся полемическим откликом на выступление Елисеева (*ОЗ*, 1869, No 4), Пыпин писал: "С первого же свидания, когда вопрос о журнале шел в том тоне, в каком говорится о погоде, на слова Некрасова, что он хочет "взять журнал у Краевского" - я сказал, однако, что, по моему мнению, ему надобно лучше устроить *свой журнал*, который не стеснял бы ни его дохода, не связывал бы его традициями. <...>

Положение будущих "Отечественных записок" стало определяться яснее. Дело шло не об аренде, какую я прежде предполагал и при которой считал возможным разговор, потому что она все-таки развязывала солидарность с "Голосом", - дело шло о том, что Краевский остается "издателем". Этот вопрос оставался в каком-то тумане. Когда снова зашла речь об этом предмете, я опять выразил свое мнение Некрасову, что такое положение для меня непонятно, и *отказался* вступать в журнал в этом виде. Когда он продолжал развивать свой взгляд на это, я сказал, что наибольшее, что я могу в таком случае,-- это предоставить ему начать журнал с кем угодно, чтобы составить себе по нескольким книжкам мнение, возможно да была бы мне писать в нем. <...>

Я полагал, что этим дан достаточно определенный ответ на предложение Некрасова: в редакции начинаемого журнала я не желал участвовать. Я еще не знал окончательной формы, на которой устанавливалось дело, потому что все еще имелось в виду, что Некрасов будет, по крайней мере, "редактором" будущего журнала, если не настоящим его распорядителем (в случае аренды); на какое-то будущее устройство журнала указывалось и в объявлении "Отечественных записок" на 1868 год; но для меня все больше и больше вырастал уверенность, что иначе это дело и не станет. Поэтому я стал склоняться на сторону "Современного обозрения" (*ИРЛИ*, ф. 250, ед. хр. 104).

Другим условием своего сотрудничества с Некрасовым Пыпин выдвигал участие в "Отечественных записках" Жуковского. "... Относительно Жуковского я сказал, что я, собственно, считаю его необходимым, потому что для известных предметов считаю его наиболее компетентным, - и считаю до сих пор более компетентным, чем писатели по политической экономии и статистике в "Отечественных записках" (там же).

²⁷ Стр. 234. Письмо неизвестно.

²⁸ Стр. 237. Раскол бывшей редакции "Современника" имеет более сложную историю. Версию Елисеева в какой-то степени подтверждает письмо Некрасова к Пыпину от 20 ноября 1867 г., в котором он высказал свое нежелание предоставить восьмые доли доходов от журнала Жуковскому и Пыпину. Другая причина - указание министра внутренних дел, у которого Некрасов был 30 ноября 1867 г. и который "признал необходимым устранить от участия в "Отечественных записках" гг. Антоновича и Юлия Жуковского, отличавшихся крайними воззрениями" (*ЛН*, т. 49--50, стр. 446). Разногласия с Пыпиным возникли не из-за "долей" доходов, он настаивал на сотрудничестве в журнале Жуковского.